

**КУРИЛЬНИЦЫ В СТРУКТУРЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КУЛЬТУР ЭПОХИ
ПАЛЕОМЕТАЛЛА СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ**

А. В. Фрибус

**POLYPOD VESSELS IN BURIAL RITUALS OF THE EARLY METAL AGE
CULTURES OF STEPPE EURASIA**

A. V. Fribus

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (Постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием специфических форм керамических сосудов в погребальном обряде культур эпохи палеометалла западной и восточной части степного пояса Евразии. Произведена классификация курильниц, рассматриваются вопросы, связанные с их местом и ролью в погребальном обряде ямной, катакомбной, афанасьевской и окуневской культур. Проведен анализ расположения курильниц в составе погребальных комплексов. На этой основе предпринята попытка реконструкции роли курильниц в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла Южной Сибири.

The paper focuses on the functions of specific forms of ceramic vessels in burial rituals of the Early Metal Age cultures of Western and Eastern steppe Eurasia. A classification of polypod vessels is suggested, their place and role in burial rituals of Pit-Grave, Catacomb, Afanasiev and Okunev cultures are considered. The positions of polypod vessels in burial complexes are analyzed. With this basis, the author attempts to reconstruct the role of polypod vessels in burial rituals of the Early Metal Age cultures of Southern Siberia.

Ключевые слова: энеолит, афанасьевская культура, индоевропеистика, курильницы, культурогенез.

Keywords: Eneolithic period, Afanasiev culture, Indo-European studies, polypod vessels, genesis of cultures.

Формулировка проблемы и актуальность темы

В составе погребального инвентаря многих культур эпохи раннего металла степного пояса Евразии так называемые «курильницы» занимают особое место. Это связано с относительной редкостью подобных находок, наблюдениями над обстоятельствами использования их в погребальной практике и, соответственно, заключением о том, что подобные формы сосудов сопровождают исключительно экстраординарные захоронения.

В данном случае представляется возможным разделить весь массив материала на западную и восточную часть степного (горно-степного) пояса Евразии, под которым, с одной стороны, мы понимаем ямно-катакомбный, а с другой – афанасьевско-окуневский блок культур. В этом весьма непростом типологическом и культурно-генетическом узле курильницы принимают исключительно важное значение поскольку с формальной точки зрения выполняют роль хронологического маркера.

Последняя сводка по сибирским курильницам принадлежит Э. Б. Вадецкой [1]. Ей удалось не только обобщить разрозненный и подчас до сих пор не опубликованный материал, но и попытаться проанализировать роль столь оригинальной категории инвентаря в погребальном обряде афанасьевской и окуневской культур. Со времени этой публикации увеличилась источниковая база, изменились представления о распространении подобного рода находок, присутствию этой категории сосудов на поселениях. Все это позволяет рассмотреть вопрос о характерных типах сосудов эпохи палеометалла с новой точки зрения.

В первую очередь мы сталкиваемся с вопросом о терминологии. В публикациях любые сосуды, выходящие за рамки стереотипов (например, афанасьевских), принято называть «вазочками», «курильницами», «жаровнями», «светильнями» и т. д., не вдаваясь в контекст и первоначальный смысл этих дефиниций. Использование данных терминов чаще всего обусловлено авторскими представлениями о функциональном предназначении таких сосудов (ритуальном или бытовом). Тем временем в восточно-европейской археологии часть подобных форм с формально-типологической точки зрения классифицируется как миски и чаши. Г. Ф. Коробкова предлагает для подобных сосудов абсолютно «интерпретационно-нейтральный» термин – сосуды-полиподы [7, с. 54 – 55].

Современные представления о происхождении сосудов-полиподов

Курильницы как своеобразные формы сосудов долгое время ассоциировались с культурами катакомбного круга, являясь определенным этнокультурным маркером степных культур эпохи развитой бронзы. Подобные представления вступали в противоречие с традиционными культурно-хронологическими схемами, согласно которым афанасьевская культура синхронизируется с ямной, в материалах которой подобные сосуды были не известны. Согласно этой логике южносибирские курильницы имеют хронологический приоритет над восточноевропейскими.

В настоящее время сосуды-полиподы выделены в нижних слоях Михайловского поселения. Это биконические сосуды с невысоким, крестообразно

разделенным поддоном. Михайловские чаши на ножках (полиподы) признаются древнейшими курильницами степной зоны Причерноморья [7, с. 56]. Это позволяет говорить о зарождении традиции использования характерной формы сосудов вне катакомбной культурной традиции, в древнейшее время. Г. Ф. Коробкова видит истоки подобных форм в трипольской керамике, где известны зооморфные сосуды-полиподы [7, с. 56 – 57]. Они также как раннеямные и некоторые афанасьевские образцы орнаментированы внутри и снаружи. Появление подобных керамических форм в Триполье в свою очередь связывается с балканским влиянием (Гумельница, Болград-Алдень). Близкие по морфологии сосуды характерны и для культуры шнуровой керамики [15, с. 44].

С другой стороны, нельзя отрицать кавказское влияние. Сосуды-полиподы на трех-четырех ножках или узком поддоне найдены в погребениях целого ряда культур кавказско-причерноморского круга. Чаши на круглом поддоне найдены в дольменах Западного Кавказа (Клады, Кизинка). Миниатюрная курильница на четырех ножках найдена в нижнем слое поселения дольменной культуры Старчики у ст. Новосвободной [13]. Аналогичные сосуды, но с тремя, четырьмя ножками, известны в Закубанье (Келермеская, Хатажутаевский аул), Ставрополье (Нежинская, Веселая роща III) и Приазовье (Светлоград, Суворовская и др.) [2; 11; 5].

Чаши-полиподы из Предкавказья имеют ряд отличий от катакомбных. Прежде всего, у них отсутствует внутреннее отделение. На корпусе имеются выступы-ушки (ручки) с парными вертикальными отверстиями. По этим признакам они могут быть сопоставлены с афанасьевскими экземплярами, что позволяет говорить о генетической связи предкавказских и южносибирских курильниц [6].

Вопросы типологии курильниц

Типологии сосудов-полиподов, ямного и, особенно, катакомбного времени посвящена довольно значительная литература [3; 2; 12 и др.]. Что касается восточной части степного пояса, какой-либо детально аргументированной классификации афанасьевских и окуневских курильниц не существует. Как правило, авторы ограничиваются разделением их на две культурные традиции (афанасьевскую и окуневскую), указывая на принципиально важные конструктивные различия, с одной стороны, и генетическую преемственность между ними – с другой [1].

Вопросы классификации курильниц лежат за рамками данной статьи, однако хотелось бы наметить некоторые подходы, которые могут способствовать построению типологических рядов внутри афанасьевских и окуневских серий. Это важно, поскольку новые находки делают очевидным тот факт, что вариации внутри обеих традиций могут быть весьма значительными.

Типологически значимыми признаками в данном случае представляются следующие: общая форма сосуда (биконический / чаша на узком поддоне / чаша без поддона); наличие (отсутствие) ручек; полый / цельный поддон; наличие (отсутствие)

внутреннего отделения; наличие (отсутствие) противлежащих парных отверстий; общая схема орнаментации (только срез венчика – поддон / тулово – срез венчика – поддон), дополнительные элементы на днище, экстраординарные экземпляры, размеры). В данном случае не принимаются в расчет орнаментальные схемы, которые вовсе не так единообразны, как представлялось раньше [1, с. 50].

С хронологической точки зрения весь массив курильниц по-прежнему будет делиться на сосуды афанасьевской и окуневской традиций. Однако более дробная классификация позволит выявить вариативность внутри серий и проследить эволюцию форм и орнаментальных схем.

Кроме того, в настоящее время известны экземпляры, которые соединяют в себе афанасьевские и окуневские черты. Это, например, курильница, хранящаяся, по сведениям О. В. Ларина, в Куладинском сельском музее. Она происходит из разрушенного погребения, найдена вместе с баночным сосудом (судя по орнаментации, может быть датирован эпохой развитой бронзы). Курильница сочетает окуневские и афанасьевские черты. У нее нет ручек, но имеются парные отверстия, отсутствует орнамент по тулову, общие пропорции отличаются от афанасьевских, при этом внутреннего отделения, характерного для окуневских сосудов, нет [8, с. 14 – 17].

Оригинальный экземпляр также найден в погребении I могильника Кор-Кобы I. Курильница на узком поддоне, тулово сосуда украшено 28 налестками, ручка отсутствует, при этом два налестки больше других по размеру и в них проделаны сквозные отверстия [9, с. 10, рис. XVI-1]. Таким образом, в настоящее время известны сосуды, сочетающие в морфологии и орнаментации афанасьевские и окуневские признаки. Анализ конструктивных особенностей погребений с подобными сосудами, сочетания их с другими категориями инвентаря может прояснить вопрос о развитии традиции в восточной части Евразии.

Курильницы в структуре погребального обряда

Наиболее дискуссионный вопрос – характер погребений, в которые помещались курильницы. Здесь необходимо обратить внимание на два главных критерия: состав погребенных; местоположение курильниц в контексте погребения.

Анализируя афанасьевские погребения с курильницами, Э. Б. Вадецкая констатирует, что их помещение в могилу не зависит от пола и возраста погребенных. С одной стороны, погребения с курильницами отличаются значительными размерами ямы, большим количеством сосудов, чем принято обычно, наличием сопроводительной мясной пищи, сочетанием неординарных категорий инвентаря, с другой – они зафиксированы в совершенно обычных погребениях. Отсюда следует вывод, что «курильницы ставили в могилу лишь тем, кто владел ими при жизни для исполнения определенных ритуальных функций» [1, с. 57]. Действительно, интересующие нас сосуды в равной степени характерны для мужских и женских погребений. Кроме того, судя по материалам могильника Летник VI, мини-

турные курильницы могли сопровождать и погребения детей. Аналогичная ситуация фиксируется по восточно-европейским материалам.

Таким образом, выделение особой половой или половозрастной группы, которая могла бы монополизировать обрядовые или бытовые (утилитарные) функции, связанные с подобными сосудами, кажется сомнительным. Очевидно, что речь идет о довольно широких слоях афанасьевского общества, в равной степени имевших доступ к функциональному и (или) ритуальному использованию «курильниц».

Практически все авторы, публиковавшие материалы раскопок, указывают, что курильницы окрашены. Однако не единичны случаи, когда в могилы помещаются и обычные остродонные яйцевидные сосуды со следами окраски охрой. Если исходить из того, что яйцевидный сосуд являлся «минимальным индивидуальным набором» умершего вне зависимости от пола и возраста (на что указывают, например, миниатюрные остродонные сосуды в детских погребениях и анализ керамических комплексов в коллективных могилах), то окраска охрой уже не выглядит признаком «исключительности». Судя по всему, здесь мы имеем дело с несколько иным смысловым рядом, реконструировать который пока затруднительно.

Отдельного внимания заслуживает положение курильниц в погребениях. В данном случае можно выделить несколько вариантов: 1) помещение курильницы рядом с головой погребенного; 2) помещение курильницы в ногах погребенного; 3) помещение курильницы на краю могильной ямы; 4) помещение курильницы в насыпи.

Рассматривая варианты размещения курильниц внутри могилы, Э. Б. Вадецкая обращается к наблюдениям А. Н. Липского, который предполагал, что сосуд из раскопанного им окуневского погребения у с. Аскиз был наклонно подвешен над головой погребенного, олицетворяя идею солнечного света [10]. Из этого следует вывод, что курильницы могли использоваться двояко: «те, в которые клали охру или ароматические вещества, ставили в ноги, а те, которым придавали значение источника света, наклонно подвешивали у головы, для чего просверливали отверстия в стенках» [1, с. 58]. Отдавая должное красоте идеи, необходимо отметить, что археологически достоверные случаи подобного размещения курильниц отсутствуют. Ссылки же на то, что «реальная» курильница была найдена «на черепе в одном из окуневских погребений», можно считать историографическим недоразумением [10, с. 71; 4, с. 67].

Находки последних лет заставляют обратить внимание на то, что курильницы часто размещались и вне могильных ям. Либо на краю могилы, либо в составе каменного заклада. При этом они, как правило, перевернуты вверх дном, хотя подобное положение сосудов встречается и в могилах. Практика ритуального переворачивания сосудов широко представлена в памятниках эпохи раннего железа. Смысловой контекст подобного обращения с сосудами имеет широкие аналогии в этнографии.

Реконструкция роли и значения курильниц в погребальном обряде евразийских культур эпохи палеометалла невозможна без анализа их места в изобразительном творчестве и осмысления данных, полученных в ходе разного рода естественнонаучных исследований.

Вопрос о выделении афанасьевского пласта в изобразительном творчестве населения эпохи палеометалла Саяно-Алтая долгое время является остро дискуссионным. В этой связи стоит присоединиться к мнению Д. Г. Савинова о том, что аргументированно приблизиться к решению этой проблемы удалось лишь Ю. Н. Есину [4].

В данном случае важными представляются соображения Ю. Н. Есина, касающиеся изображений артефактов на плитах и изваяниях, в частности, характерных биконических сосудов, которые могут быть сопоставлены с курильницами. По мнению автора, особое значение создатели рисунков придавали изображению ручек, которые всегда показаны в профиль [4, с. 63]. На ритуальную значимость этой конструктивной детали указывают и материалы погребений, где зафиксированы различные варианты манипуляции с ручками, в частности, замазывание отверстий глиной [1, с. 50].

Поскольку изображения биконических сосудов часто композиционно связаны с личиной или ртом (обычно отождествляемыми с окуневской культурной традицией), сосуды предлагается интерпретировать не как курильницы или светильни, а как переносные алтари, в которых сжигались приношения для богов [4, с. 67]. Намеки на наличие подобных алтарей сохранились в древнейшей индоевропейской традиции, с которой афанасьевская культурно-историческая общность может быть связана самым непосредственным образом [14].

Подобным интерпретациям предназначения рассматриваемых сосудов не противоречат данные, полученные в ходе палинологического анализа катакомбных курильниц, впервые предпринятого коллективом авторов под руководством Н. И. Шишлиной. В результате анализа серии сосудов из Ростовской области были сделаны выводы о том, что «курильницы» использовались для сжигания разного рода растений: как ароматических (полынь, маревые), так и имеющих «эстетическую ценность» (астровые, лютикоцветные, цикориевые, розоцветные). Анализируя состав флористических наборов, авторы приходят к выводу, что многие из сжигаемых растений сегодня известны как лекарственные, другие имеют стойкий аромат в цветущем или засушенном виде, а также при сгорании, третьи красивы своими яркими цветами и имеют декоративное значение, некоторые же употреблялись человеком в пищу или использовались как корм для скота [16, с. 268 – 269]. При этом не до конца понятным остается предназначение «отделений» в катакомбных и окуневских курильницах, поскольку результаты анализов указывают на идентичность сырья, которое сжигалось в основной и малой камере.

Выводы и их обсуждение

Курильницы, или сосуды-полиподы, являются одним из своеобразных этнокультурных маркеров степных культур Евразии эпохи палеометалла. Их общая схожесть, наличие принципиально важных морфологических элементов, близких орнаментальных схем, позволяет говорить о том, что подобные сосуды вряд ли могли возникнуть конвергентно на западе и востоке степного пояса. Вероятнее всего, они являются еще одним свидетельством генетической связи между афанасьевской культурой и культурами энеолита – ранней бронзы Восточной Европы, прежде всего, древнеямной. Анализ сибирских и восточно-европейских серий показывает, что речь не может идти о каком-то едином импульсе. Судя по всему, уже с ямно-афанасьевского времени степи запада и востока являлись открытым пространством, через которое происходил обмен идеями и технологическими новшествами. В этом ключе курильницы могут выступать в качестве одного из хронологических маркеров.

Современное состояние источников позволяет наметить основные принципы классификации юж-

носибирских курильниц. Такая классификация могла бы помочь проследить эволюцию курильниц не только в рамках окуневской и афанасьевской традиций, но и выявить переходные формы, а также варианты внутри афанасьевских и окуневских серий.

Анализ роли курильниц в структуре погребального обряда позволяет интерпретировать их как переносные алтари, в которых производилось сжигание (воскурение) растительных смесей. Состав этих наборов реконструирован по материалам катакомбных погребений Восточной Европы, но может быть экстраполирован и на южносибирские материалы. При помещении в погребение сосуды в некоторых случаях разбивались или переворачивались вверх дном. В ряде случаев курильницы помещались на краю могильной ямы. Отверстия в ручках замазывались глиной, сама курильница окрашивалась охрой. Подобные ритуальные манипуляции с сосудами, по всей видимости, отражают комплекс представлений об особом функционировании «земных» предметов в «потустороннем мире».

Литература

1. Вадецкая Э. Б. Южносибирские курильницы // КСИА. Вып. 185. М.: Наука, 1986. С. 50 – 59.
2. Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991. 186 с.
3. Егоров В. Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 156 – 164.
4. Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53 – 73.
5. Ковалев А. А. Курганы Центрального Предкавказья как опора хронологии среднебронзового века Евразийских степей // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб, 1997. С. 70 – 75.
6. Ковалев А. А., Резепкин А. Д. Курильница из дольмена в урочище Клады и проблема происхождения афанасьевской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 16 – 20.
7. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб: Европейский дом, 2005. 316 с.
8. Ларин О. В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 13 – 21.
9. Ларин О. В. Афанасьевские памятники среднего течения Катуня // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3 – 30.
10. Липский А. Н. Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК. 1952. XLVII. С. 67 – 77.
11. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1981. С. 4 – 25.
12. Панасюк Н. В. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. 2010. № 2. С. 25 – 38.
13. Рысин М. Б. Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 215 – 223.
14. Семенов Вл. А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // Петербургский археологический вестник. СПб, 1993. С. 25 – 30.
15. Цвек Е. В. Связи восточнотрипольской культуры с кругом нижнедунайских энеолитических культур // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь, 1994. С. 42 – 44.
16. Шишлина Н. И., Панасюк Н. В., Пахомов М. М., Бобров А. А. Степная археологическая экспедиция ГИМ: результаты этноботанических исследований // КСИА. Вып. 223. М., 2009. С. 260 – 270.

Информация об авторе:

Фрибус Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии КемГУ, научный сотрудник лаборатории «Междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая» Алтайского государственного университета, fribus@list.ru

Alexey V. Fribus – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Research Associate at the Laboratory for Interdisciplinary study of Western Siberia and Altai Archaeology, Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.